

А. Н. МАЙКОВ

ЗАПИСНАЯ КНИЖКА

(Публикация Н. В. Володиной)

Этот документ (РО ИРЛИ, 17306) представляет собой ряд фрагментов, каждый из которых назван «Из книжки». Само это обозначение позволяет предположить, что А. Н. Майков переписал какие-то наиболее важные для него отрывки из своей «Записной книжки» или из писем, объединив их в более сжатый текст. Записи по содержанию непосредственно не связаны между собой и, за исключением двух отрывков, не датированы. Первая дата (она появляется ближе к концу документа) — апрель 1874 г., вторая — март 1875 г. Косвенным свидетельством дат является упоминание о каких-то событиях как происходящих в данный момент. Так, в одной из последних записей он пишет о пушкинском празднике: очевидно, речь идет об открытии памятника Пушкину в 1880 г. Здесь же он сообщает своему корреспонденту о тяжелой болезни матери: Е. П. Майкова скончалась в 1880 г. При этом в начале документа возникает запись, где Майков сообщает о празднике, устраиваемом в его честь. Скорее всего, это был юбилей 50-летней творческой деятельности поэта, который отмечали в 1888 г. Если это так, то говорить о последовательно хронологическом расположении записей сложно; однако они были сделаны, очевидно, в 1870—1880-е гг.

В записи 1874 г. поэт отмечает, что заводит дневник, ибо слабеет память и т. д. Дневником, в строгом смысле этого слова, такой документ трудно назвать, ибо здесь нет привычной для дневника последовательной регистрации событий, хронологического описания всего, что с ним происходило. Скорее это действительно «Записная книжка», где главное — рассуждения на определенные темы. Первые записи по форме напоминают письма, ибо у них, безусловно, есть адресат; в них звучит обращение — очевидно, к кому-то из друзей Майкова. Темы записей связаны по преимуществу не с частной жизнью поэта, а с событиями в жизни страны, общества, государства. Еще одна важная тема, которая в них присутствует, — тема искусства, литературы.

Майков рассуждает о назначении поэзии, роли художника в обществе, как правило, отталкиваясь от творчества Пушкина. Пушкин был любимым поэтом Аполлона Николаевича. В одном из писем начала 1880-х гг. он рассуждает: «Если бы меня спросили, чего я хочу для себя? — Осень Пушкина в Болдине». Пушкин был для Майкова той недостижимой высотой, эталоном истинного художника, с идеалом которого он соотносил последующий литературный процесс. «У нас, м. г., был величайший поэт и писатель — Пушкин, — обращается поэт к воображаемой (или реальной) аудитории (отрывок из «Записной книжки»). — Я думаю, что я его верно характеризую, если скажу: он строго служил искусству и твердо знал, „что чувства добрые он лирой пробуждал“, лирой, т. е. этим строгим жречеством своей музыки. Ап. Григорьев уподобил Пушкина огромному брильянту, который разбился, и последующим нашим писателям, целому поколению досталось по осколочку его дарования».

В искусстве Майков ценил выражение духовных и творческих сил художника, воплощение видимой и интуитивно ощущаемой красоты мира, момент познания истины, дарованный поэту провидением. «Поэт, — передает Майков широко распространенную точку зрения, — говорят они, должен выражать в своих стихотворениях стремления и нужды современного общества, народа. В том смысле, как это понимается, это значит, что предмет поэзии — уличный шум, журнальный мир, передовые статьи газет в стихах. Нет, поэт должен видеть, знать и чувствовать синтез эпохи, видеть, куда идут все современные направления, во что люди верят, во что теряют веру и в каком все это находится отношении к внутреннему человеку, в усовершенствовании которого вся душа, цель и смысл поэзии: это такая высота, до которой достигнуть трудно, — надо воплотить в себе все, прожитое человечеством, видеть и различать исторические элементы, в нем действующие, и на основании их понимать настоящее и прозревать в будущем. Если бы поэты всех великих народов стояли на этой высоте, то поэзия была бы единой и они были бы одно общество. Впрочем, оно более или менее так — относительно гениев высшего порядка; и вот почему мы понимаем Эшила, Шекспира, Данта и пр. Ибо у всех взгляд на толпу с высоты одних и тех же нравственных начал и одна у них радость и скорбь — о внутреннем человеке». Не случайно творчество А. Н. Майкова стало классическим выражением поэзии «чистого искусства». Справедливость самой формулы поэзии «чистого искусства»: «искусство для искусства» — имела в глазах А. Н. Майкова не только эстетические, но и нравственные аргументы, а философско-эстетические категории (красота, правда, вечность) приобретали для него дополнительное, религиозное значение. Это не обожествление поэзии, не уравнивание ее в правах с религией, но признание ее исключительных духовных возможностей.

Такое представление о сущности поэзии объясняется и религиозными убеждениями самого Майкова. Аполлон Николаевич был глубоко верующим человеком, не испытывавшим религиозного индифферентизма и скептицизма. Именно вера осветила бытовую и семейную жизнь Майкова и его творчество, особенно стихи 1870—1880-х гг. Не случайно одной из центральных тем в записях Майкова становится тема религии,

веры. «Выше христианского идеала любви нет, — читаем в «Записной книжке». — Я имел счастье родиться в христианском обществе, следовательно, нравственный христианский идеал есть мой, и другого я не могу иметь, и в этом отношении я христианин». Отсюда — полемика с материалистическим учением, дарвинизмом. «Я знать не хочу, — пишет Майков, — теогонии, теологии, эмбриологии или вообще начала вещей, ибо все-таки мы их никогда не узнаем; — но христианский идеал — как бы ни создан он, — был руководителем моей жизни, моих поступков, в отношении близких, в отношении обижавших меня, и хотя, конечно, никогда не достигал я полноты идеала, хотя только помнил его, все-таки чувствую великое в душе моей счастье, что жил я при свете этого солнца, что жил, сознавая на себе тяжесть долга к семье, к ближним, к отечеству, к народу своему, — долга, который кажется тяжестью только в настоящем, когда его исполнить надо, но который обрещается в несказанную сладость, когда хотя половиною, хоть в четверть его исполнишь». Последовательной религиозностью во многом определяются и его историософские представления о судьбе России — как страны православной, в чем и состоит, прежде всего, по его мнению, русская идея.

В «Записной книжке» Майков не раз обращается к личности Николая I и теме самодержавия. Аполлона Николаевича, как и других членов его семьи, отличала преданность российскому престолу, императору. Их семья — пример того, как интеллигенция могла поддерживать власть и именно с ней связывать надежды на прогрессивные общественные перемены. Это была искренняя верноподданность, которая вполне согласовывалась с уваровской теорией «официальной народности», причем самым почитаемым монархом в этой семье был Николай I. Генерал-губернатор Санкт-Петербурга М. А. Милорадович, умирая от ранения, полученного при подавлении восстания декабристов, просил императора позаботиться о его друге Аполлоне Александровиче Майкове (деде поэта), и Николай I выполнил свое обещание. Позднее он примет участие в судьбе живописца Николая Майкова, а потом и его сына, поэта Аполлона Майкова. Однако не только милости, оказанные их семье, вызывали у А. Н. Майкова особое благоговейное чувство к императору. Он видел в нем истинного патриота, который заботился о судьбе народа и отечества, понимал особенности исторического пути России, ее религиозную идею. В этом плане А. Н. Майков противопоставлял Николая I Чаадаеву — не как равные по масштабу исторические фигуры, а как носителей двух прямо противоположных взглядов на судьбу России: веры в потенциальные возможности страны — одного и безнадежного скепсиса в отношении ее прошлого, настоящего и будущего — другого. Николай I для Майкова — великая и трагическая фигура, с личностью которого оказалась связана смена исторических эпох. «Кончился старый век, встретясь под Севастополем с новым, — пишет Майков. — Новый должен был победить, но с каким величием пал старый, — и во главе его — последний Император, крепкий могучий человек, умерший, надорвавшись сердцем, понявший падение старого мира, умерший под солдатской шинелью». Естественно, что

столь свойственные русской интеллигенции «чаадаевские настроения» (Д. Н. Овсяннико-Куликовский) А. Н. Майков явно не разделял. Свято веря в идею монархии, он не принимал любых форм революционного протеста, даже если это была столь романтически воспринятая русской интеллигенцией французская революция. Тем большее осуждение вызывали у Аполлона Николаевича попытки государственного переворота в России. Не случайно он оценивал восстание декабристов как антинародный, а не только антиправительственный мятеж.

Столь разные темы, возникающие в «Записной книжке» А. Н. Майкова, близки своим фундаментальным характером. Это религия и православная вера; государство, народ и власть; прошлое и настоящее России, масштабные события русской истории: декабризм, Крымская война, отмена крепостного права; искусство, поэзия, творчество. Все они носят отчетливо концептуальный характер и всесторонне представляют личность А. Н. Майкова: его этические идеалы, его гражданскую позицию, наконец, — творческий облик.

Из книжки

Вы изучаете стихи Пушкина — прекрасно. Лучшего образца, лучшей школы для формы, красоты, строгости, точности, живописности и пр. — нет.

Но это только, так сказать, «плоды дерева», плоды таланта.

Надобно изучать самое «дерево», т.е. талант и то, как и чем воспитал его Пушкин, — ибо, я раз Вам сказал как-то, что человек есть _____¹ произв. самого себя (в противоположность учению о среде).

А обратили ли Вы внимание, как Пушкин серьезен в этом отношении!

Следы этой работы над собой можете лучше всего, даже лучше, чем в стихах, можете видеть в его заметках, прозаических отрывках, журнальных статьях. Там, что ни мысль, так видно тоже плод заботы ума и самостоятельности, независимой мысли, созревшей в труде, и уединении, и размышлении. Примените-ка к себе эту обработку. (Знаете ли, что до многих его мыслей не доросли многие наиболее умные из нынешних критиков и историков литературы?)

Когда обработаете «дерево», можно ждать и достойных плодов.

Из книжки

Во время восточной войны² западники желали успеха французам и англичанам. Профессор Кудрявцев³ говорил Бестужеву,⁴ не разделявшему их мнений, а напротив, — что «удивительно, как русская история туманит головы!» Грановский,⁵ однако, не разделял этого странного увлечения, в котором я вижу чаадаевский принцип, доведенный до абсурда, после которого должен быть поворот назад (оздоровление).

— Я все больше убеждаюсь, что со временем Александр I упадет, а Николай I возвысится. Александр был сам вроде Чаадаева, гуманист, благодетель человечества, поляк, католик и менее всего русский. Европа обязана ему многим, а Россия пострадала от его политических ошибок, бессознательно-изменнических. Николай был русский. Он понимал русскую толпу, русское — как господствующее в Империи. Но общество, им найденное (с декабристами вместе), было французское,

или мистическое католически, или вольтеррианское. Либеральная же молодая партия николаевского времени — чаадаевская; следовательно, и старое, и новое поколения — нерусские. За это его это же русское общество клеймило русификатором, бесилось за то, что он хочет русских поляков, немцев, финляндцев (завел русскую кафедру в Гельсингфорсе,⁶ над чем смеялись), воссоединяет унию, на что вопияли, вторя полякам; словом, он был один на этой дороге, на которую, наконец, благодаря июльскому бунту 1862 года,⁷ вступило общество при содействии славянофилов и Каткова,⁸ который в Крымскую войну с _____ и Кудрявцева радовались унижению Николая и поражению русского войска как его любимого создания. Как клеветали с голоса немцев на православие в Лифляндии,⁹ с голоса поляков, опозорили Бибикова,¹⁰ словившего польское пьянство в юго-западной России. Говорят, то были полумеры. Но уния не полумера, а, кроме того, — могла ли быть уверенность для полного мира, имея против себя общество.

Вражда его к мысли, науке? Теперь полно мистифировать, — это была чаадаевщина, все было направлено против коренных основ государства и общества русского. Это еще разъяснит история.

Громадная воля его была бессильна перед обществом. Один упрек ему: зачем все-таки он не увлек за собой общество? Недоставало ему помазания гения.

Что понимал он дело, видно из того, что толковал художникам: велел Тону¹¹ бросить греческий (т.е. афинский) стиль, а изучать московскую архитектуру; обращал к русской истории, задал тему осады Пскова; хлопотал о русском гимне со словами; Кукольник,¹² Полевой¹³ — в угоду ему брали сюжеты из русской истории. Он не непричастен к «Жизни за Царя».¹⁴ Мыслящее общество кричало против всего этого. Говорили, что это уклонение от здоровых преданий искусства. Иностранец один сказал недавно, что Николай *faisait roug son peuple, rien par le peuple.** В этом и ошибка. Но вопрос, что бы тогдашнее общество могло сделать? Жаль, что он не нашел славянофилов. Это потому, что между им и ними стояли Бенкендорфы.¹⁵ Да и славянофилы были тогда слишком крайние. Хомяков,¹⁶ говоря со мной, сказал: да на что нам Финляндия? На что Петербург, Польша? Кавказ? Тогдашние славянофилы и нынешние — разница. Устряловская история¹⁷ писалась по мысли Николая. А как к ней относились, т.е. к его мысли, что Литва — Русь?¹⁸ Гр. Киселев¹⁹ сказывал Тютчеву, что, говоря об этом, Николай выразил эти мысли единства русского народа и сказал: «Жаль, что я истории учился на медные деньги и не могу доказывать фактами; но когда хорошенько разработать источники, то выйдет, что все это так».

Крымская война развязала руки, уяснила многое. Европа нашла, что Россия колосс с глиняными ногами, но и Россия, т.е. общество начало освобождаться от умственной диктатуры Европы. Почувствовали, что мы особый мир, восток Европы не то, что Запад. Пробуждение народного сознания исправило и самое славянофильское учение, выступившее

* действовал во имя своего народа, но никогда посредством народа (*фр.*)

в лице Каткова (которого ничем так нельзя обидеть, как сказать, что он славянофил) в новый фазис — русский, т. е. он берет Россию как она есть, не вычеркивая Петровский период. Власть помогла окончательно ему освободиться от аристократизма, показав, куда он тянет и на что способен — т. е. способен во имя собственности заедино стать с остзейским бароном и польским магнатом против народа и интересов русского государства, а следовательно, и народа.

При этом обращении к народной почве пошли уже пробитые пути Николаем и славянофилами. Заказанное им «Боже, Царя храни» сделалось действительно народным гимном.

Из книжки

Праздник, устраиваемый вами для меня, смущает меня.²⁰ Я себя спрашиваю, чем я его заслужил? Силы своего небольшого дарования я знаю, — они небольшие. Написано немного. Исключительно литературе себя не посвящал, т. е. в смысле жить литературным трудом; нет, я был всегда _____ в поэзии, — писал только тогда, когда нельзя было не писать вследствие внутренней потребности. Всякое стихотворение являлось мне в качестве задачи, которую надо разрешить, и успокаивался только, когда ее разрешал. За что же вы меня чествуете? Мне кажется, я причину нашел, — и не во мне дело, я только предлог.

В материалах русской истории есть одно выражение, которое приводили многие историки, но оно не обратило на себя особенного внимания. Оно принадлежит московскому князю Симеону Гордому,²¹ перед его смертью. Это чудное лицо у нас мало обследованное, плохо _____, и если бы не это слово, он бы так и затерялся, не открыв высокой прекрасной души своей. Красивый, статный, наследник уже значительной области отца своего Иоанна Калиты, его ума, его политики, его преданий, его тайны. Путь ему уже был приготовлен отцом, но отцу досталась трудная работа, борьба с противниками, часто кровавая и коварная: сломлена была Тверь, удельные князья были уже под рукою Симеона всея Руси. Симеон уже повелевал ими гордо — и гордо держал себя с ханом. Он мог уже льстить себя надеждою, что завет отца, благословенного митрополитом Кириллом, ему придется исполнить — то, о чем нельзя было громко говорить, но что народ понимал на Руси, а именно, освободиться от татарского ига. Но вдруг появляется черная смерть, — и Симеон поражен ею. Пишет завешание детям и, завещая стол Московский брату Иоанну, уступавшему ему и в уме, и в силе воли, поучает его: слушаться старых бояр, сотрудников их отца, ибо они и отца нашего любили, да чтобы свеча не погасла. Эти слова, конечно, есть символ, который его современники поняли. (Но не наши новые историки. Даже Карамзин и Погодин, и Соловьев не поняли.)²²

У нас, м. г., был величайший поэт и писатель — Пушкин. Я думаю, что я его верно характеризую, если скажу: он строго служил искусству и твердо знал, «что чувства добрые он лирой пробуждал», лирой, т. е. этим строгим жречеством своей музыки. Ап. Григорьев²³ уподобил Пушкина огромному бриллианту, который разбился, и последующим

нашим писателям, целому поколению досталось по осколочку его дарования. Это поколение моих товарищей по литературе. После Пушкина настало время бурное в литературе.

Явились разные школы, партии. Масса читателей тоже раздвоилась. Политика втиралась в сферу искусства, со своими страстями, своей стратегией и дипломатией. Сам Пушкин подвергся гонению. С этим и начала его искусства... В этом брожении, в этой борьбе, в этом «шатании земли», как говорили наши предки про свое смутное время, мы — художники-писатели всегда стояли особняком в литературе, каким-то маленьким уединенным оазисом. Мы никогда не принадлежали ни к какой партии.

Впрочем, у нас была своя партия, но партия отвлеченная, идеальная; наша партия была — наши ближние в евангельском смысле слова и из ближайших ближайšie — русский народ, в его исторической целостности, Россия. Мы только на нее смотрели, ни направо, ни налево; от нее только получали свои вдохновения. Для нас все партии, и ни право, и ни лево, терялись в массе наших ближних, и, стоя таким образом выше их, мы яснее видели их достоинства и пороки, радовались одним, скорбели за других. Нам казалось, что это не партии, а только жертвы недоразумения и потому одинаково любовно и строго относились к ним, и оттого, тоже по законам разделившегося царства, не пользовались любовью ни справа, ни слева. И, м. г., поверьте, немало скорби досталось нам на долю перенести вследствие такого нашего одинокого положения, — но свеча не погасла, и в этом наша заслуга, нас всех, которым досталось по осколку пушкинского бриллианта.

Радуюсь, если она признается за нами ныне, и пожелаем, дабы от этой свечи поскорее пришел возжечь юный поэт свой пламенник, который сиял бы над всею Россиею, как пушкинский.

Из книжки

В каждый данный период времени в обществе человеческом бродит и делит _____ господство над _____ множеством иногда самых противоположных идей. Люди, чистые сердцем, охватываются этими идеями и _____ много своего духа отдают им, своим нравственным характером освещают идеи и направления, которые, как окажется потом, не выдерживают в своей целостности или отвлеченности суда истории, который есть не что иное, как здравый смысл народов. Это множество _____ «чистых сердцем», одержимых идеями, направлениями, отвергаемыми жизнью и смыслом народов, не доказывает ли нам, что доля истины заключается во всех этих веяниях, уклонениях, учениях, по-видимому, самого непривлекательного свойства; часто эта доля истины есть только указание на какую-нибудь болезнь в организме народной жизни. Более глубокий ум воспользуется этими уклонениями и найдет корень болезни, а может быть, и средство излечения.

Наше мыслящее общество представляет чрезвычайное разнообразие идей самых противоположных. При отсутствии твердых основ

житейской мудрости, при несознании прав и обязанностей наших в отношении к самому себе, к другим нас окружающим людям, близким и посторонним, к государству, к его истории, к жизни, к человечеству, при утрате идеала, выработанного народом, каждый создает или, лучше сказать, ищет идеала себя — направо и налево; от этого частью случайность наталкивает нас в юные годы на то или другое направление, и в его духе мы создаем себе идеал себя, своей роли в мире и истории и всю деятельность свою устремляем в эту сторону. При этой случайности нельзя не назвать счастьем, когда с юности попадаешь на правый путь и инстинктом почувствуешь его истинность: при дарованиях, при любви, не боящейся труда, не ослабляющейся от противоречия, не смущающейся бранью и, напротив, из нее почерпающей, только так сказать, выправку себе, — деятельность эта дает обильные плоды...

М. П. Погодин в этом отношении может быть назван счастливым. Россия — в ее прошедшем, настоящем и будущем, со всеми людьми в ней живущими и для нее работающими, без исключения каких-либо сословий, какого-либо в ней проявления человеческого духа, — вот те базы, служению которым он посвятил все свои силы, и через пятьдесят лет он может сказать: (пропуск текста у А. Н. Майкова. — *Н. В.*)

Посвящение своей истории Государю Императору Михаил Петрович начинает словами: «Происходя из крестьянской семьи...».²⁴ В разговоре с каким-то из сильных мира сего, происходящим из такой же семьи, Михаил Петрович сказал раз: «Полно, брат, наши матери обе сами квашню месили»...

Не в этих словах его должно искать нам причины, почему Михаил Петрович счастлив в том смысле, как я сейчас сказал, т. е. сначала попал на истинный и плодотворный путь? В нем были народные исторические инстинкты и выдержали все веяния, обуревающие наше так называемое образованное общество, нашли в науке и истории свое сознательное подтверждение и определенное выражение и дали ему возможное понять прошедшее, провидеть будущее и уяснить нам народный идеал единства в любви и прощении. Нет сомнения, что близость к квашне, которую месила его мать, играла в этом великую роль.

Из книжки

Кто кого воспитывает — родители ли детей или дети родителей? — Плохи те родители, которых не воспитывают дети. Появление и вырастание ребенка, еще более переход его в юношеский образ и т. д. — это твой постоянно возрождающий и все более тебя понимающий и судящий свидетель. От твоих деяний зависит его уважение. От твоих слов и речей — его воспитание, развитие его внутреннего Я, его образ мыслей, убеждения. Еще повторяю — плохи те родители, которые этого не понимают и, имея этого зрителя, не работают над собой, не воздерживаются в делах и речах, не сдерживаются, не перевоспитывают себя. Сами, подвигаясь в возрасте и совершенствуясь, — только этим вселяют

к себе уважение в детях. Надо, чтобы отец был идеалом для сына, который он потом будет в себе осуществлять.

Следовательно, кто же кого воспитывает?

Из книжки

Христианин ли я?

Кто я?

— единица ли, которая может быть только между других единиц, мне подобных? В нравственном и умственном отношении эти единицы различны и разделяются на группы. Отношения нравственные и умственные различны, т.е. нравственно совершенные могут быть умственно невежды, и сильные умственно могут быть не нравственны. Следовательно, нравственный идеал может быть общий, всенародный, всечеловеческий. Выше христианского идеала любви нет. Я имел счастье родиться в христианском обществе, следовательно, нравственный христианский идеал есть мой, и другого я не могу иметь, и в этом отношении я христианин.

В умственном отношении в людях разнообразие. Огромное большинство — народ, силен нравственным идеалом, но умственно развит только, насколько требуют его занятия, его ремесло, — мужики, промышленники, торговцы и пр. Это большой круг; внутри его, все умаясь, идут концентрические круги, т.е. самый последний есть круг высшего развития ума, обогащенного знанием. Но ось всех кругов — одна ли? — Должна быть одна; она должна быть — нравственное начало, и есть то общее, что есть между массой невежественной и первым мудрецом. — Круги эти различны. Низший есть живая сила — это народ, и он окрашивает все верхние, давая им народность, ибо и высшие круги выделились из него же, вследствие того, что 1) в его борьбе с другими народами за существование более энергические и крепкие силы выходили в вождей; 2) более богатые умственными силами выделяются из простой жизни для удовлетворения его высших потребностей, усовершенствований, управления им и пр.

Я принадлежу к одному из высших кругов. Здесь разнообразие единиц резкое. Общественное стремление к истине, совокупность сознательных в известный период истин есть наука. — Но тут встречается противоречие, которое всех сбивает с толку. Между верованиями науки и народа различие страшное. Люди науки говорят, что они уже не христиане, не народ, а *respublica litteraria*,* сами составляют общество, отделяясь уже каждый от своих народов.

Тут опять недоразумения в их отношениях к своим народам (об этом после).

Ученый говорит — он не христианин, ибо ему не нужен культ, вера в сверхъестественное, в чудеса, в догму соборов, учение о Лазаре²⁵ и пр.

* литературная республика (*лат.*).

Прав ли он? Т. е. христианин ли он, если ему все это не нужно?

Он не понимает одного: символизма, поэзии, внешнего образа, внешней обстановки, он их откинул или не понял, что под оболочкой есть ядро, до которого он или не достиг, или отбросил, не дойдя до него. Последнее у нас встречается чаще. Если бы он был пронизательнее, он бы разглядел, что отвлеченные начала, без образа, без поэтической обстановки, недоступны массе. Учение любви, прощение обиды она явственнее ощущает, христосуясь, обмениваясь красными яйцами, идя на исповедь, и вообще при торжестве, _____ поэзии службы.

Для умственно и нравственно дрянного — это лишнее. Но и зайдя в церковь в светлое Воскресенье, не чувствует ли он ту точку общения, куда он, аристократ умом, равен перед идеалом с простыми людьми? Не чувствует ли он, что тут есть простые люди, которые выше его?

Культе христианский устроен на глубочайшем знании психологии, равно поражая скорбящего и в простоте _____ (например, подумайте, чем заменить: да отпустятся ему прегрешения вольные или не вольные? т. е. на небесах ли, на земле ли, между присутствующими или отсутствующими, в истории, наконец!).

Вследствие этого ученый, презрительно смотрящий на культ, на поэзию, не прав уже перед собой и истиной, не заглянув поглубже и оставившись на внешности.

Вот мои понятия: я бы желал знать — православный он или нет?

Из книжки

Как ни финти, а на обезьяну все-таки одним взглядом поглядываешь. Задумываешься, потому что, приняв обезьяну, значит — конец мысли о душе вечной, бессмертии, о Боге, конец всякому идеалу. Но и принять-то трудно. Все-таки вопрос: как не объясняй себе клеточку, всасывание, всю цепь существ, все-таки что же это за стремление чего-то жить и развиваться в материи и дойти до совершенства формы в человеке и до совершенства ума и нравственных идеалов в нем же? Пантеизм?²⁶ Тогда опять два начала. Сама материя мыслит что ли? Тогда она не материя. Если она сама стремится развиваться до человека, то, значит, в ней есть стремление к совершенству, добру, красоте. Но все это свойства только человека, и в низших животных их нет. Они акклиматизируются, изменяются, мельчают и пр., но вечно одни и те же, за 10 000 лет, что и теперь. Лев такой же, как был всегда; дерево тоже. Тут видна особенность человека, выделяющегося из цепи созданий. Говорят: постепенность, коей звенья потеряны. Это не объяснение. Пантеизм больше объясняет.

Но, положим, это все равно. От обезьяны, так от обезьяны. Какие же выводы из этого? Наши дарвино-социологи говорят: вот норма наша — обезьяна, животное. Ergo* — все остальное — нарост, горб. Его надо снять и жить для первых потребностей. По-нашему — скачками.

* следовательно, итак (*лат.*).

Припомним Штрауса.²⁷ Человек творит Бога по образу и подобию своему — подставим вместо Бога = идеал, идеал себя. Выходит, что их нравственный мир не выше скота, коли скот они ставят в идеал.

Следовало бы рассуждать наоборот: не возвращаться назад, срывая наросты, но в этих наростах как-то видеть постепенность новых видов, и это изменение видов провести через всю историю: _____ стихии, религия, метафизика, _____, дикая жизнь, умыкание жен, войны; потом: брак, семья, гражданство, государство. Многоязычие и многонародность, и один нравственный идеал для всех — Христос. Лучшего еще не создали, как евангельский. Во всем этом постепенность изменения видов, и нынешний вид человека — христианин. И я его принимаю в его исторической обстановке — в церкви Христовой, ибо лет сто есть для всякого развития, — кто сколько вместить может: для одного строгая обрядность, миф, поэзия; для других — чистый идеал Христа.

Действия же всех одинаковы, по одному закону для всех: возлюби ближнего. И для всех одна цель: будьте совершенны, как совершен Отец ваш небесный. О дальнейшем мы не знаем.

Дарвинисты скажут: христианство — отжившая форма. Теперь эпоха разума. Ерго, кастрация чувства. Не верить _____ так. Законы нравственные это основы, и уже выработались, сознались, как жизнь.

Другой лучшей нравственности не создать, как Христова. А разум, т. е. сознательная способность — да ей бесконечное развитие, и притом количественное, пожалуй, и синтетическое.

Вот мысли, которые мне приходят в рамке поставленной темы, что начала мы не знаем и не знаем, что следует за концом жизни человека, и поставлены в эти рамки для того, что на этой огороженной почве можно говорить с материалистом.

Вопрос о моем Я, о душе и Боге — или всемирно-разумной силе все-таки остается первостепенным, в стороне.

Выписка из книжки

Взрыв Севастополя²⁸ завершил древнюю историю России; завершил эпоху создания государства, век славы, величия, самоотвержения и службы всех русских людей и сословий, создания силы русского государства. Все сословия были закрепошены ему, все работали, живота не жалея, дворяне и крестьяне. Кончился старый век, встретясь под Севастополем с новым. Новый должен был победить, но с каким величием пал старый, — и во главе его — последний Император, крепкий могучий человек, умерший, надорвавшись сердцем, понявший падение старого мира, умерший под солдатской шинелью. Новый век — век личности. Что принесет — Бог весть. Но старый закончен, и только невежда не может понимать его величие. Говорят, то был век несвободы, век крепостного права; личность задавлена государством, тяготами его. — Пусть так, пусть безобразие царило в агентах власти, произвол, безобразие всякого рода, но все-таки про этот век мог сказать, с другой стороны, поэт:

.....Царь небесный
Всю тебя, страна родная,
Исходил, благословляя...²⁹

Древняя Русь — она сила, и, несмотря на Петровскую реформу, до Севастополя (осколки ее еще доживаются и теперь) эта Русь, воспитанная на житиях, Русь с христианским идеалом, — и этот идеал житий есть то, что составляло ее внутреннюю жизнь, ее внутреннюю святость, внешняя слава и деяния — только ее внешняя оболочка, внешнее проявление.

Из книжки

Я знать не хочу теогонии, теологии, эмбриологии³⁰ или вообще начала вещей, ибо все-таки мы их никогда не узнаем; — но христианский идеал — как бы ни создавался он, — был руководителем моей жизни, моих поступков, в отношении близких, в отношении обижавших меня, и хотя, конечно, никогда не достигал я полноты идеала, хотя только помнил его, все-таки чувствую великое в душе моей счастье, что жил я при свете этого солнца, что жил, сознавая на себе тяжесть долга к семье, к ближним, к отечеству, к народу своему, — долга, который кажется тяжестью только в настоящем, когда его исполнить надо, но который обращается в несказанную сладость, когда хоть вполчину, хоть в четверть его исполнишь. О, если бы знала Медицинская Академия, воздвигающая культ материи и уничтожающая этот идеал, если бы она знала, что творит. Трубы и литавры, которыми они возвещают свое воцарение в мире, приближающимися и усиливающимися кликами вакханальной оргии, которой передняя толпа имеет еще человеческий вид вследствие прежнего воспитания, но потом и он уже исчезает и пойдет фавн, потом сатир. Ужели они думают устроить общежитие и общество из сатириков? Из них составить свои коммуны и поддерживать существование их разве только страхом и казнями? Или, если они об обществе не думают, а снявши все узы, оставят действовать в этих сатирах только закон борьбы за существование, борьбы за наслаждение?.. Что же в результате? Мрак и варварство.

Из книжки

Апр. 7. 1874. Решительно завожу дневник. Разучаюсь писать. Слабеет память: дневник хорошее лекарство в том и другом случае. Лень только на процесс выведения букв. Если бы можно было мысли печатать сразу! Записывать буду все, что поразит, тронет, контраст представляет или взгляд вглубь: например, момент сегодня: участковый с револьвером и палашом идет по улице и ведет маленькую дочку, лет трех. Весь в ней, лицо сияет. Вот для кого он участковый. Впечатление в том же роде: 4-ро и 8-ро городских ведут шайки человек в 40 оборванцев — есть и «палаши», всякие. Перед Вознесенской церковью вся группа, и ведомые, и ведущие, снимают шапки и дружно крестятся. Не знаю, что, а эта картина означает что-то глубокое.

Передают к тому еще случай (рассказал Измаил Иванович Срезневский³¹): ехали они на пароходе по Волге. Полно народу, шум, говор, смех. Их занял маленький татарчонок, лет 14, они говорили с ним, вдруг он их оставляет и на треугольнике, который образуется около кожуха, начинает свое моление. Видя это, толпа мало-помалу утихла, и когда мальчик кончал молитву, была полная тишина. Это (говорил Срезневский) черты великого народа... т. е. посреди всего этого чувствуется идеал, перед которым все преклоняются, — участковый, и городовой, и жулики. И в народе, утихающем перед молитвой татарчонок. Эта чуткость народа к идеалу и есть то, что поражает. Блажен, кто стоит в этой массе. Но грусть отщепенцу! Бедные они! Если бы знали, как они жалки! Они, впрочем, знают, оттого и злы.

19. Известно: я враг крайностей. Что наше положение ужасно, в этом нет сомнения. Ясно, что были сделаны ошибки, но где же и в чем? По кончине Николая, после парижского мира³² вдруг обнаружилось, что было при нем скрыто или молчало, в меньшинстве интеллигенции. Большинство верило в существовавший порядок. Malaise* его царствования — отсрочка крепостного вопроса. Большинство боялось, что с эмансипацией рухнет государство, ибо помощник был полиция, сборщик податей, поставщик рекрут, блюститель нравов и порядка. Вдруг это звено — вон! Выдернули нитку, все распоролось, расплзается. Тайный комитет, _____, готовил Министерство государственного имущества. Все крепостные должны были сделаться государственными крестьянами, поступить под готовые уже формы. Это очень умно. Другое мнение меньшинства: значит, при этом наступит царство чиновника, бюрократии, надо предоставить народ себе — миру. На этом крестьянском вопросе сбились западники и славянофилы. План Николаевский оставлен. Сделалось, как теперь: освобождение с землей, с общиной; устройство мира. Все это хорошо, но жаль, что провалили сельскую интеллигенцию, помещика. Уничтожили мелкие центры цивилизации, исторически сложившиеся, близкие народу. Ибо прежних помещиков заменили жида, кулаки, купцы. Люди дельные, но чужие и необразованные. Даже не столько, как дворяне, кои имели хоть традиции. Помещик исчез, о нем, как о таковом, нечего и говорить. Но его дети явились уже пролетариями. Бросились искать профессии. _____.

Вот масса молодежи, без положения, которой надо себе создавать жизнь, и начинает ab <нрзб.>. Вот один контингент крайних. Другой контингент доставили семинарии и жида. И те, и другие под влиянием нынешней науки и идей революции уже отрешились от своей касты; получив образование в этом духе, они не могут уже вернуться к быту отцов, ни к рясе без веры, жида к рабству кагала. Обоим надо сочинять жизнь, все с самого начала, с первого шага, искать, что рационально, что нет. А масса их двинулась громадная, и отцовских дворянских сынов и дочек. Последние еще менее радикальны, ибо все-таки не так далеки от отцов своих, и есть в них традиция обычаев, семейных преданий, чести, у них все-таки есть предки, есть имя, есть история. У жидов

* неудобство, изъян, сложность (*фр.*)

и семинаристов ничего этого нет, нет сдерживающего, регулирующего предания.

Что было делать правительству с этим новым элементом? Быть тоже радикальнее. Что оно и делает. Устроило новые суды, земства и пр., т. е. пошло по пути, куда они его толкали, сделали выразителем воли и чаяний наиболее живого большинства интеллигенции, ибо само же наполнялось из него. Но вопрос в том: отдавшись этому движению, оно чем рисковало? Удовлетворило оно их? Нет. Правительство связано действительностью, жизнью, народом, политическими, внешними делами. А у тех фантазия и патриотичность ничем не связаны. И вышла беготня взапуски. Они его перегнали и на все его реформы смотрят, как на недостаточные, а на него, как на отсталое. Давай полноту, а где ей предел? «Стройте по-нашему!» — «Да как, скажите?». И, выходит, что у каждого кружка, у каждого барона <?> своя фантазия, свои требования, и удовлетворить их нельзя. В результате: никто не удовлетворен, все недовольны, никто не знает, чего хочет, правительство не знает, куда идти.

Что делать?

Да, найдись кто и скажи это — тот и будет гений. Но никого я еще не вижу, а в предлагаемых _____ не вижу ни в одном толку.

Умеренные же недовольным говорят: конституция. Это дань невежеству, вера в чужое, мистицизм. Не видят, что конституция вообще есть фикция, ибо везде заправляют делами в конституционных государствах ловкие люди. С другой стороны, это разврат, всеобщий подкуп, борьба партий — кто больше даст. Не говорю уже о насилии, как в Австрии или Франции.³³ В Австрии — это господство одной национальности над другой, во Франции — одной партии над прочими *te toi roug que je m'y mette*.^{*} В 3-х, для России гибель, т. е. для России исторической, великорусской. Явятся в парламент правые и левые. На правой — из внутренних, старых губерний, на левой — немцы, западный край, поляки, хохломаны, восточные человеки, жиды, весь либеральный новороссийский край, одесситы и наши выскочки-прогрессисты. И едва ли левая не будет в большинстве. Тогда министры будут не Тимашевы,³⁴ не Валуевы,³⁵ а Кайзерлинги, Потоцкие, Хаджи-Баджи³⁶ и пр. Далее нам предстоит судьба Австрии.³⁷ В конце концов выиграют поляки, ибо разделится Россия на (геогр. названия нрзб. — *Н. В.*). А уже тогда на западную Днепровию³⁸ не думай посылать войска: за нее будет Европа. — Вот почему поляки³⁹ так толкают русскую интеллигенцию на требование конституции и так иллюстрирует это дело то, что на конституционном обеде Тургеневу заправлял всем духом общества Спасович,⁴⁰ этот подлый ренегат своего русского племени.

Другие говорят: Земский Собор⁴¹ — это ученая мечта. Выберут на Собор те же земские люди, что и в земских собраниях. Будет критика, изложение, пожалуй, действительных нужд личности. Но ни общих мер и видов, — пререкания и пр. А что как Земский Собор предложит

* отойди, чтобы я встал (занял) на твое место (*фр.*).

конституцию? Конечно, можно, поблагодарив, распустить и не делать. Вот и все. В смысле необязательности рассуждений Земский Собор, конечно, лучший способ был выговориться, выболтаться, разрядить атмосферу. Но дело подвинется или нет? — Конечно, нет, или очень мало.

Где же спасение?

Увы! — случай — воля Божия — если Бог пошлет России гениального человека. В коллективный разум интеллигенции я не верю. Он мелок и недалковиден. Все прошлое царствование мы, можно сказать, управлялись коллективным разумом интеллигенции — и дошли до нынешнего положения.

Но утешителен ли этот вывод?

Мне скажут, а что же я ничего не говорю о народе? А потому, что говорю об интеллигенции. У нас она не есть осмысление народных инстинктов и не ясных, но могучих верований; напротив, она во всем отражение Европы или высшей тамошней культуры и смотрит на все народное, как на низшую сферу еще первобытной культуры. Мужик один или даже мир не может вдруг сделаться государственным человеком, министром, что ли; для этого надо многое узнать. Ему надо пройти школу образования, а проходя ее, он переродится в плохого европейца — и утратит инстинкты. Интеллигенты же народные — чистое православное христианское учение: нет двух решений, нет наибольшей в решении правды и даже политического вопроса нет: не убий — так не убий, несть власти еще от Бога, суди по-Божески, чти отца и мать твою и пр. В интеллигенции все раздвоено. Веры в сущность нет, а есть погоня за формой, проба форм, воздыхание по неизвестным еще только воображаемым формам: право учение о неменяемости; оно основывается на учении физиологии о душе, об аффектах, на материалистическом учении, что все в мире происходящее есть только передвижение частиц, — какая же тут вменяемость, свобода воли, преступная воля? — И вот, эта-та интеллигенция стоит наверху народа, заправляет судьбами государства, и в ней все эти волнения, шатания и колебания, которые нас привели к печальному положению.

Но не впадаю ли я с нигилистами в унисон? Они поняли интеллигенцию почти так же, как и я понимаю, — и решили — долой ее, подняв стихийную силу. Пусть она ее уберет, а там пусть сама устроится?

Но дело-то в том, что она, стихийная сила, сама никогда не устроится. А пока дойдет до этого, что будет? Государство развалится, искусство, наука, торговля, финансы, промышленность — все падет. Наступит варварство. Все, что мы произвели, что добыли силой, кровью, умом, талантом, все падет, если не от коммуны, как на Западе, так от невежества. Но только этого я для России не желаю, да и России без интеллигенции — тоже не желаю. Какая-то еще народится после, из кулаков, которые возьмут верх и закабалят прочих, сменив помещиков? Последние хранили хоть рыцарские дворянские предания. У кулаков же предание — безмен своего нрава <?>.

В университете и после университета я жадно занимался историей. Рим, Греция, Восток, открытия в Индии — Плутарх, Платон, Сенека, Лукреций, Ливий, Тацит, Геродот, все поэты, Гизо, Мишо, Вильмен, история философии Гегеля, Шлегель, Сисмонди, Филорет Шаль, Дант⁴² (Шекспир был прочитан прежде), потом Encyclopédie nouvelle Leroux, его humanité и пр.⁴³ (о русской истории я не говорю, я читал все, что выходило) — все проясняло мне жизнь человечества, каждая книга как будто клала светлое пятно на темном фоне. Результаты отразились в моих стихах; переходя от системы к системе, я сам себя воображал то стоиком, то эпикурейцем (рыцарство тоже не осталось без следа). В эту эпоху возникли «Три смерти»;⁴⁴ но «Три смерти» должны были иметь вторую часть по первоначальной идее, но не с тем, чтобы показать сущность христианства, а почти как острога, что вот эти христиане помешали Люцию умереть, как он предполагал, и что последняя его надежда Лида — воплощение для него беззаботной жизни, эпикурейский идеал, — изменила ему, ушла в христианство. Первое начертание не удалось. Вышла вторая часть, что в «Русском вестнике». Опять не удалось. Я догадался бросить обработки истории христианства и обратиться к Евангелию и Посланиям — с целью схватить нерв. Какой же результат вышел для меня? Теперь мне представляется, что я ходил по подножию горы, вокруг нее, и только проникся Евангелием, — взошел на центральную гору, откуда вижу и древний, и новый, донынешний мир ясно, и только с этой горы сияющий свет и осветил, и осмыслил мне все, что я узнал, странствуя по подножьям его. — И вот наше образование: не требуйся мне для поэмы познакомиться глубже с Христом, я бы и не узнал его, и на гору бы не взошел, как все наши ученые и образованные люди. Первый, впрочем, представивший мне Библию живым поэтическим миром, был Гердер,⁴⁵ хотя Ветхий Завет я еще читал и знал раньше университета, ища в нем сюжет для картин и для переложений из пророков в стих.

Из моих товарищей литераторов только один Достоевский проник Евангелие духом и глубже меня, но для этого ему нужно было быть сослану на каторгу. Прочие — Тургенев, Писемский, Некрасов, понятия об нем не имеют. Гончаров знает, но не проникнут. Островский — проникнут — и знает — но _____.

Из книжки

Поэт, говорят они, должен выражать в своих стихотворениях стремления и нужды современного общества, народа. В том смысле, как это понимается, это значит, что предмет поэзии — уличный шум, журнальный мир, передовые статьи газет в стихах. Нет, поэт должен видеть, знать и чувствовать синтез эпохи, видеть, куда идут все современные направления, во что люди верят, во что теряют веру и в каком все это находится отношении к внутреннему человеку, в усовершенствовании которого вся душа, цель и смысл поэзии: это такая высота, до которой

достигнуть трудно, — надо воплотить в себе все, прожитое человечеством, видеть и различать исторические элементы, в нем действующие, и на основании их понимать настоящее и прозревать в будущем. Если бы поэты всех великих народов стояли на этой высоте, то поэзия была бы едина и они были бы одно общество. Впрочем, оно более или менее так — относительно гениев высшего порядка; и вот почему мы понимаем Эсхила, Шекспира, Данта и пр. Ибо у всех взгляд на толпу с высоты одних и тех же нравственных начал и одна у них радость и скорбь — о внутреннем человеке.

Это я говорю о поэзии — а разве критику не то же место? И не с этой ли точки он должен смотреть на литературу?

1875 / марта 28.

(*Запись слева на листе*: В этом тоже и вся независимость поэта, как всякого человека: в царстве духа).

Из книжки

Любопытно, что у маленьких народов не бывает великих поэтов. Точно нужно подножье для поэта достойное. Эпоха стремления ко всемирному значению и есть эпоха явления великого поэта. Испания произвела Кальдерона и Сервантеса (все равно: немного прежде, немного после); Франция Корнеля и Мольера; Англия Шекспира. Немцы давно kultur trager'ы и произвели Шиллера и Гете. Славянский мир дает Мицкевича и Пушкина. В развитии последних развитие Великороссии и Польши. Пушкин строг, строен, точен, правдив, нравственен. Мицкевич <нрзб.>, часто вычурен, дает апофеоз измене («Конрад Валленрод»), но в «Пане Тадеуше» — великий поэт. Без «Тадеуша» он второстепенен, с влиянием Байрона, французов. Все богатство русского духа (православного, христианства) — в Пушкине.

Звуки существуют в природе, краски тоже. Мелодия же — произведение человеческого творчества. Картина — тоже. То же и в литературе: люди и предметы существуют в природе во всем своем разнообразии — воссоздание их дело поэта, личности. Простое записывание сцен — есть отсутствие творчества, как звуки природные без мелодии, как охра, кинovarь, умбра — без картины, созданной художником.

Из книжки

Искренне благодарю Вас, что вспомнили обо мне. К крайнему сожалению, однако, я не могу явиться на праздник Пушкина.⁴⁶ Почти безнадежная болезнь матери; надо отправлять сына в Оренбург, не говорю уже о своем расстроенном здоровье, требующем бережения и полного спокойствия. Я буду издали радоваться за учителя. Нет, не учителя, а больше. Это широкая река светлых вод, текущих по возвышенной стране и вдруг разбившаяся в низменности на множество ручьев и речек; одни из этих ручейков и во мне, и вся забота в том, чтобы сохранить чистоту доставшейся струи.

Да, другие времена и люди — они как бы открывают великий Нил, великую реку и исследуют ее; одни — ее начало, другие — первую половину (байроническую); третьи — в деревне — народность; — но не все еще поняли последнюю часть, — она еще даже учеными не открыта; об ней они не любят говорить, называя ее с сожалением эпохой Бориса Годунова, и клеветникам России — аристократическим периодом. Но эти ученые еще сами не доросли до этого понимания.

Мы, т.е. писатели, которые отроками застали Пушкина в живых, пившие прямо из святых вод его, мы не можем анализировать поэзию. Пушкин был для нас нечто целое, священное, полное, законченное. Для нас нет иной красоты, кроме пушкинской. Но текли годы и события, изменялись положения, воздвигались новые кумиры, преподавались новые законы эстетики, доходило даже до этапов развенчания Пушкина. Все это были преходящие облака, застилавшие ясное небо. И теперь _____ тучи... Новые поколения открывают Пушкина. Мы все понимаем в писателе только то, что можем, по мере сил, каждый, понять. Они в народе схватили только его бытовую сторону, пожалуй, даже поняли кое-что в душе народной, но не поняли значения государства для народа, не поняли того, сколько труда, жертвы _____ этот народ, чтобы сковать себе эту броню, — Государство, которое для народов есть то же, что для черепахи броня. А у нас без физических границ, без гор, на равнине центр должен был бы быть создан только идеальный: идея Царя, и притом освященного религией, Помазанника Божия, как сказал Давид. — И вот в этом создании величие духа народного; но падение Константинополя Русь почувствовала и сказала: два Рима пали, третий стоит, четвертому не быть — и напрягла все силы _____ и создали этому третьему Риму, охранителю и поборнику православия, крепкую броню русского государства. Это понимал Пушкин и это выразил не только в четвертую эпоху своей деятельности, а и раньше, но это еще не поняли его последователи, которые смотрят на этот четвертый период как на падение. — Вообще деление на четыре периода глупо. Первый лицей, французы и их <нрбз.>, байронизм и высылка на юг, второй пребывание в деревне, в Михайловском и работа над «Борисом Годуновым», а главное — над его источниками, вот что сделало полный переворот в Пушкине, а не нянька; нянька сеяла, когда ему было 3, 4, 5, 6, 7... лет; в Михайловском он к ней относился как филолог, лова «зверушку» и другие словечки, учась складу. А стих «читаю только старой няне» только дураками может быть принят буквально: что она могла понять в «Онегине», да и в «Годунове», да и в «Полтаве», в «Дон Жуане». Это просто краска, «а не свидетельство самого поэта». Созрев над этими источниками, он предстал и перед государем Николаем Павловичем, и тот назвал его умнейшим человеком в России, конечно, за его понятия о России, а эти понятия Пушкин вынес из «источников». Тут он сошелся с Погодиным, и их единомыслие полное в понимании русской истории. И понимание России Пушкин проверял Погодиным. Посмотрю на юбилей; съедется много народу, напишется, скажется много. Любопытно, скажет ли кто-нибудь из того, что мною намечено. Посмотрю _____ уяснит ли себе то обстоя-

тельство, о котором я говорил (о четырех периодах) и тем завершит освещение великого образа поэта, и окажется тогда, что его кажущиеся недостатки суть достоинства и свидетельствуют, что исследователи еще не дошли до высоты его понимания России.

Из книжки

В «Записках Академии наук» № 18 помещены собранные в олонецком крае г. Барсовым сказания и предания о Петре Великом.⁴⁷ Все они очень любопытны, но одно — есть такой перл поэзии, какой редко встречается у величайших поэтов. Относительно Петра — это, если можно так сказать, последнее слово поэзии. Художник (все равно поэт), изображая историческое лицо, необходимо ищет такой момент или такой образ, в котором бы великий человек выразился весь, во всем своем высшем значении, в свой, так сказать, апофеоз. Петр Великий является у Пушкина в двух моментах: «На берегу пустынных волн стоял он дум великих полн — и думал он». Прекрасный момент, ибо Петр изображен, как сближающий Россию с Европой, прорубающий в Европу окно для принятия света науки, искусства. В «Полтаве» «И весь он — Божия гроза» — решается приговор истории над задачей Петра, которой он отдал всю свою жизнь. Но я всегда чувствовал, что может быть образ еще выше, еще смелее, еще стихийнее, искал и ждал его. И вот образ нашелся. Он создан народом. Это уже не приговор частного лица, не личное впечатление поэта, а приговор народа. В этом образе Петр ясно отразился в народном воображении. Впрочем, по предмету и зеркало, и один другого стоит! Величайшему из своих сынов русский народ подарил лучший перл своей поэзии.

Выписка из книжки

Величайшим своим счастьем считаю, что родился русским, т. е. что принадлежу к тому народу, коего призвание выражено в стихотворении «Опять горит восток» и других, т. е. — центр православия и восстановление его идеи и царства. (Восстановится ли оно или нет, это все равно; дело в стремлении, в цели, в Марье Царевне; она есть у этого народа, т. е. у нас, у других нет, у них личность мамона); это идея общая, но в ней и частная, великая. Спросят: это политической _____, а что же индивидууму-то? — Водворение царства Божия на земле, и притом, начиная с Самого себя; это ведь не высказываемый, недосягаемый, оплакиваемый и ни в какой грязи не меркнувший идеал (и не идеал, а скорбь в чувствах, в инстинктах каждого русского простого человека). А что, народный (!) поэт Некрасов понимал это? Никогда.

¹ Прочерки в тексте принадлежат А. Н. Майкову.

² *Восточная война* — Крымская война 1853—1856 гг. В союзе с Турцией против России выступили Англия, Франция и другие государства. Стремление Николая I укрепить свои позиции в слабеющей Османской империи, его претензии на самостоятельный великодержавный курс на Востоке, а также роль консервативного лидера

Европы вызвали противодействие ряда европейских государств. Майков разделял официальную точку зрения на главную задачу этой военной кампании как защиту христианских народностей на Балканах, освобождение восточных христиан от турецкого владычества. Крымская война вызвала у него подъем патриотических чувств.

³ *Кудрявцев Петр Николаевич* (1816—1858) — профессор Московского университета, историк — специалист по всеобщей истории, западник. Главный предмет его исследований — западноевропейское средневековье, прежде всего — средневековая Италия. Кудрявцев скептически относился к идее необходимости самобытного исторического пути для России, считал очевидными преимуществами европейской культуры и цивилизации.

⁴ *Бестужев-Рюмин Константин Николаевич* (1829—1897) — профессор Московского университета, историк (большая часть работ — об истории русского средневековья, летописях), ученик Грановского и Кудрявцева. Его именем будут названы в 1870-е гг. Высшие женские курсы в Петербурге. Западные идеалы, свойственные ему в юности, постепенно сменились сочувствием славянофильству. Бестужев приходит к убеждению в том, что русскому народу следует возвратиться к началам старой жизни и развиваться в соответствии с национальной спецификой и традицией. В то же время он избежал крайностей славянофильства, высоко оценивал реформы Петра I, чтит европейскую науку.

⁵ *Грановский Тимофей Николаевич* (1813—1855) — профессор кафедры всеобщей истории Московского университета, историк, западник.

⁶ *Гельсингфорс* — шведское название г. Хельсинки.

⁷ *Июльский бунт 1862 года...* — Скорее всего, Майков имел в виду ряд событий, происходивших с мая по июль 1862 г.: студенческие волнения и деятельность радикальной интеллигенции. Это майские пожары в Петербурге, разного рода акции, предпринятые обществом «Земля и воля», арест в июле 1862 г. — Н. Г. Чернышевского.

⁸ *Катков Михаил Никифорович* (1818—1887) — публицист, критик, издатель-редактор журнала «Русский вестник». Катков — последовательный монархист, сторонник теории «официальной народности». Во время польского восстания 1863—1864 гг. Катков выступил с рядом крайне резких статей, направленных как против восставших поляков, так и против русских революционеров, им сочувствовавших; против разного рода радикальных идей (деятельность А. И. Герцена, «Земля и воля», нигилизм). Катков и К. С. Аксаков говорили об антидемократическом содержании польского восстания, считая, что оно инспирировано аристократией, шляхтой и чуждо польским крестьянам.

⁹ *Лифляндия* — немецкое название Ливонии. Со второй половины XVI в. Лифляндия включала территорию южной Эстонии и северную часть территории Латвии, подчиненную Речи Посполитой. В 1721 г. Ливония вошла в состав России как Лифляндская губерния.

¹⁰ *Бибиков Дмитрий Гаврилович* (1791—1870) — генерал-адъютант, участник русско-турецкой войны 1806—1812 гг., Отечественной войны 1812 г.; был тяжело ранен в Бородинском сражении. В 1837 г. назначен подольским и волынским генерал-губернатором. Считал своей главной задачей «слияние Западного края с древним отечеством природных его жителей». Стремясь к ослаблению влияния польской шляхты, произвел проверку ее прав на дворянство, заменил местных чиновников русскими, лишил католическое духовенство права поземельного владения. С 1848 г. — член Государственного Совета, с авг. 1852 по авг. 1855 г. — министр внутренних дел.

¹¹ *Тон Константин Андреевич* (1794—1881) — русский архитектор, придворный архитектор императора Николая I. Родоначальник официально внедрявшегося эклектичного русско-византийского стиля. Тон проектировал храм Христа Спасителя, большой Кремлевский дворец, Оружейную палату, др. Николай I, в целом заинтересованно относившийся к архитектуре (ни один проект общественных зданий в столицах не обходился без его личного одобрения), принимал особое участие в судьбе и деятельности Тона.

¹² *Кукольник Нестор Васильевич* (1809—1868) — поэт, прозаик, драматург, критик, журналист. В своих исторических повестях, романе и драмах, обращаясь к сюжетам из русской истории, он рассматривал их под углом зрения теории «официальной народности», монархической идеи.

¹³ *Полевой Николай Алексеевич* (1796—1846) — критик, журналист, прозаик, драматург, историк. Как прозаик одним из первых обратился к событиям удельной борьбы

на Руси XIV—XV вв. В «Истории русского народа» ввел в научный оборот новые исторические факты и памятники древней словесности.

¹⁴ «Жизнь за Царя» («Иван Сусанин») — опера М. И. Глинки, написана в 1836 г. Первая классическая национальная русская опера.

¹⁵ Бенкендорф Александр Христофорович (1781—1844) — в период правления Николая I шеф корпуса жандармов и начальник 3-го отделения Императорской канцелярии. Бенкендорф курировал прохождение дел, связанных с декабристами, студенческими кружками, польским восстанием 1830—1831 гг., проводил политику усиления цензуры, пр.

¹⁶ Хомяков Алексей Степанович (1804—1860) — один из главных идеологов славянофильства, которого отличали безусловная преданность православию, высокая оценка русского народа и убежденность в том, что только изучение его истории «может вести нас к самобытности в мышлении и жизни».

¹⁷ Устряловская история — имеется в виду «Русская история» (1837—1841) Николая Герасимовича Устрялова (1805—1870), профессора кафедры русской истории Петербургского университета, с 1844 г. ординарного академика имп. Академии наук; другие его важнейшие труды — «Историческое обозрение царствования Николая I» (1847), «История царствования Петра Великого» (1858—1863). По учебникам Устрялова училось юношество до 1860-х гг. Он был единомышленником автора теории «официальной народности» С. С. Уварова, развивал идею национального единства в русской истории.

¹⁸ Н. Г. Устрялов заложил традицию рассмотрения отечественной истории по двум параллельным направлениям: Московского царства и Литовской Руси, базирующуюся на идее Николая I о том, что Литва должна быть частью Руси.

¹⁹ Киселев Павел Дмитриевич (1788—872) — русский государственный деятель, участник Отечественной войны 1812 г., флигель-адъютант Александра I. В 1835 г. секретным комитетом под руководством Киселева был разработан план постепенной ликвидации крепостного права. В 1837—1856 гг. — министр Государственных имуществ.

²⁰ Речь идет о юбилее 50-летней литературной деятельности А. Н. Майкова, который торжественно отметили 30 апр. 1888 г. Юбилейный комитет по чествованию поэта возглавил Я. П. Полонский. В газетах были опубликованы обращение к юбиляру И. А. Гончарова, стихотворные поздравления А. А. Фета, К. Р., А. А. Голенищева-Кутузова и др. Александр III произвел Майкова в тайные советники. Официальное чествование состоялось в помещении Литературно-драматического общества.

²¹ Симеон Гордый (1316—1352) — великий князь московский, сын Ивана Калиты. Как и его отец, стремился установить дружественные отношения с Ордой, добыл в Орде ярлык на великое княжение. В своем Духовном завещании он наказывал братьям жить в мире между собой, а также «слушать владыки Алексея и старых бояр, дабы не перестала память родителей наших и наша свеча бы не угасла». Это выражение оказалось своего рода «семейным девизом» (А. М. Панченко) московских князей, призывавшим их жить в мире и хранить традиции отцов.

²² Карамзин Николай Михайлович (1766—1826), Погодин Михаил Петрович (1800—1875), Соловьев Сергей Михайлович (1820—1879) — русские историки. Комментируя завещание Симеона Гордого, Соловьев пишет, что из него следует «оседлость бояр вследствие нового порядка вещей, явление старых отцовских бояр хранителей правительственных преданий».

²³ Григорьев Аполлон Александрович (1822—1864) — поэт, литературный критик (создатель «органической критики»), драматург, мемуарист.

²⁴ Погодин Михаил Петрович (1800—1875) — историк, писатель, академик Петербургской Академии наук, журналист, издатель журналов «Русский вестник», «Москвитянин», сторонник теории «официальной народности». Отец М. П. Погодина был крепостной «домоправитель» графа Г. А. Строганова.

²⁵ Учение о Лазаре — евангельская притча о воскресении Лазаря (см. Ин. 11).

²⁶ Пантеизм — религиозно-философское учение, отождествляющее Бога с природой и рассматривающее природу как воплощение Божества.

²⁷ *Штраус Давид Фридрихович* (1808—1874) — немецкий теолог и философ-младогегельянец. В книге «Жизнь Иисуса» отрицал достоверность Евангелий, считал Иисуса исторической личностью; склонялся к пантеизму.

²⁸ Севастопольская оборона (1854—1855) — одно из центральных событий Крымской войны, длившееся 340 дней. Несмотря на героизм войск, русские потерпели поражение, ибо военные силы союзного флота (Франции, Великобритании, Турции, Сардинии) значительно превосходили флот, находившийся под началом адмирала В. А. Корнилова, затем П. С. Нахимова.

²⁹ Майков цитирует стихотворение Ф. И. Тютчева «Эти бедные селенья», очевидно, по памяти, допуская неточность. Ср. у Тютчева:

.....
Всю тебя, земля родная,
В рабском виде царь небесный
Исходил, благословляя.

³⁰ *Теогония* — мифы о происхождении богов; *теология* — систематизированное изложение вероучения, обосновывающее его истинность и необходимость для человека; *эмбриология* — наука, изучающая зародышевое развитие организмов.

³¹ *Срезневский Измаил Иванович* (1812—1880) — филолог-славист, этнограф, академик Петербургской Академии наук.

³² *Парижский мир* — договор, заключенный в Париже после окончания Крымской войны 18 / 30 марта 1856 г. Мир был заключен на тяжелых для России условиях: южная часть Бессарабии отходила к Турции; Россия теряла право держать в Черном море военный флот; Сербия, Молдавия и Валахия оставались по-прежнему под верховным владычеством Турции, пр.

³³ А. Н. Майков скептически относился к конституционной форме правления, принятой в ряде государств Западной Европы. В России в это время основными конституционными идеями являлись ограничение самодержавия и введение представительного правления, что было чуждо Майкову как убежденному стороннику идеи самодержавной власти. Не отвергая сам призыв соблюдения свободы и прав человека, прозвучавший во время Великой Французской революции, он считал, что его последствия, как показал в дальнейшем опыт европейских революций, могут быть разрушительны (ср.: стих. «Арлекин»).

³⁴ *Тимашев Александр Егорович* (1818—1893) — русский государственный деятель; в 1856—1861 гг. начальник штаба Корпуса жандармов, управляющий 3-м отделением, министр внутренних дел (1868—1878), один из организаторов борьбы с революционным движением.

³⁵ *Валуев Петр Александрович* (1815—1890) — русский государственный деятель, в 1861—1878 гг. министр внутренних дел.

³⁶ *Кайзерлинг, Потоцкие, Хаджи-Баджи* — условное обозначение возможных государственных деятелей, которые будут осуществлять антирусскую политику.

³⁷ Майков имеет в виду, очевидно, преобразование Австрийской империи в 1867 г. в двусудиную монархию — Австро-Венгрию.

³⁸ *...западную Днепровию...* — Скорее всего, речь идет о Бессарабии (ныне — часть территории Молдавии и Одесской области) и Валахии (область на юге Румынии).

³⁹ Майков полагал, что Польша должна остаться составной частью Российской империи — в силу исторически сложившихся обстоятельств. После победы над Наполеоном решением Венского конгресса (1815) Россия получила большую часть земель герцогства Варшавского, которые вошли в ее состав на правах автономии под названием Царства Польского. Борьба Польши за независимость особенно усилилась на рубеже 1850—1860 гг., что привело к восстанию 1863—1864 гг. В России восставших поляков поддерживала «Земля и воля»; активно выступал на страницах «Колокола» А. И. Герцен. В то же время значительная часть русской интеллигенции, не только консервативно, но и либерально настроенная, выступила с осуждением польского восстания (характерный пример — выступления в печати М. Н. Каткова), считая, что в случае отделения Польши будет претендовать на исконно русские земли: «по Киев, по Смоленск, от Балтийского до Черного моря» (*Катков М. Н.* 1863 год // *Катков М. Н.* Собрание статей

по современному вопросу, помещавшихся в «Московских ведомостях», «Русском вестнике» и «Современной летописи». М., 1887).

⁴⁰ ...на конституционном обеде Тургеневу заправлял ... Спасович... — Обед в ресторане Бореля в Петербурге 13 / 25 марта 1879 г., устроенный профессорами университета и литераторами в честь одного из приездов И. С. Тургенева в Россию. На обеде присутствовали Н. И. Костомаров, К. Д. Кавелин, Я. К. Грот, Н. С. Таганцев, Ф. М. Достоевский, Д. В. Григорович, Я. П. Полонский, др. Известный русский юрист, адвокат, специалист по международному праву, профессор Петербургского университета В. Д. Спасович (1829—1906) в своей речи, в частности, говорил о том, что Тургенев, будучи европейцем, «преследовал русский шовинизм, увлечения народного самомнения, народную исключительность». Майков, очевидно, имел в виду также сочувствие Спасовича Польше, его печатные выступления по поводу необходимости сближения двух славянских народов.

⁴¹ Земские соборы — одно из наиболее крупных явлений политической жизни Московского государства XVI—XVII вв.; выработанная в старой Москве форма участия народных представителей в управлении страной. В отличие от вече, которое обладало полнотой государственной власти, Соборы выступали лишь в совещательной роли; участие в вече — право, участие в Соборе — обязанность.

⁴² *Плутарх, Платон, Сенека, Лукреций, Ливий, Тацит, Геродот* — древнегреческие и римские историки, философы, писатели. *Гизо, Мишо, Вильмен, Гегель, Шлегель, Сисмонди, Филорет Шаль* — европейские историки и философы XIX в.; *Дант* (Данте Алигьери) (1265—1321) — выдающийся итальянский поэт, автор «Божественной комедии».

⁴³ Имеется в виду восьмитомное издание «Encyclopédie nouvelle», начатое в 1834 г. П. Леру и Ж. Рейно; «Новая энциклопедия» была очень популярна в России в 1840-х гг. в кругу прогрессивной молодежи. Далее Майков упоминает книгу Леру «О человечестве» (*De l'humanité*, 1840), что свидетельствует о большом интересе к идеям христианского социализма, через который он прошел в молодости.

⁴⁴ «Три смерти» — поэма (лирическая драма) А. Н. Майкова об эпохе раннего христианства, написана в 1851 г.

⁴⁵ *Гердер Иоанн Готфрид* (1744—1803) — немецкий историк культуры, философ, писатель, критик, оказавший огромное воздействие на восприятие Ветхого Завета как выдающегося литературно-исторического памятника.

⁴⁶ 6 июня 1880 г. в Москве состоялись торжественные мероприятия, связанные с открытием памятника А. С. Пушкину. Майков, несмотря на ряд серьезных обстоятельств, все-таки принял участие в пушкинском празднике, выступив там с чтением своих стихов.

⁴⁷ Сообщение Майкова о публикации в т. 18 «Записок имп. Академии наук» (1871—1872) является ошибочным. По-видимому, он имеет в виду другое издание: *Барсов Е. В.* Петр Великий в народных преданиях Северного края // *Беседа*. 1872. № 5. С. 295—309. Эта публикация в расширенном виде неоднократно впоследствии была повторена Барсовым в различных изданиях.